

★ ★ ★
**ВЕСЁЛЫЕ
ПРИКЛЮЧЕНИЯ**

ИДИ ТЫ В ОТПУСК!

НАШИ ОТДЫХАЮТ!

18+

**Елена Румянцева
Евгения Кретьова
Наталья Ладо
Татьяна Виноградова
Вероника Князева
Геннадий Добрушин
Алексей Ладо
Алла Френклах
Наталья Смолина
Мария Дышкант
Тим Яланский
Наталья Шемет
Тим Яланский
Алексей Ладо
Иди ты в отпуск!**

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42580394
SelfPub; 2019*

Аннотация

«Ура, отпуск!» – говорим мы, предвкушая впечатления, романтику, осуществление мечты. «А как же!» – отвечает реальность и вываливает на нас эти самые впечатления и романтику с улыбкой типа «нежданчик»: отдыхайте, мол, товарищи на всю катушку! Заграница, родные просторы, море, лес, дача, ночевка у костра, прогулка с собакой – мы везде найдем приключения на известное место. И посмеемся от души. Подумаешь, сибирский голодный медведь, вьетнамский лямбис, тунисское скалолазание, курортные романы, алтайские серпантины – наш турист не ищет легких путей! Главное – вовремя выпутаться, а потом и поохотать можно.

Содержание

Часть I. Наши за границей	5
Елена Румянцева	5
Тунисские рассказы: Приходите в гости к нам	5
Елена Румянцева	15
Тунисские рассказы: Альпинистка моя гуттаперчевая	15
Алексей Ладо	24
Привет из Нячанга: А подайте нам что-нибудь экзотическое!	24
Алексей Ладо	39
Привет из Нячанга: Дольче вита, или свободу страусам!	39
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Часть I. Наши за границей

Елена Румянцева

Тунисские рассказы: Приходите в гости к нам

Тунис встретил нас влажной жарой. В чернильной тьме плавилась огни фар и уличных фонарей. Где-то за границами света угадывалось шуршание местной флоры и фауны. Представлялось что-то разлапистое и большое. Тунис ассоциировался у меня исключительно с пустыней, пальмами и верблюдами. Вряд ли шуршал верблюд, стало быть – пальма.

После дождливого питерского июня с максимальной температурой плюс пятнадцать разница оказалась ошеломительной. Неподготовленный организм вздрогнул и заозирался в поисках трансферного автобуса с кондиционером. По спине уже бежали наперегонки капельки пота, а ручка тяжелого чемодана норовила выскользнуть из мокрой ладони.

– Мааам?! – воззвала Стаська. – А я писать хочу. Мам! Очень хочу!

Почему-то у детей это случается именно тогда, когда вы уже получили багаж и вышли из здания аэропорта. Или когда самолет идет на снижение, горит табло «Пристегните ремни», а туалеты закрыты. Не раньше, нет. И не позже. Видимо, так работает детский организм.

Когда мы с дочкой, наконец, отыскали автобус, во взглядах туристов, водителя и сопровождающего красноречиво читалось пожелание адских мук нам и всем нашим родственникам. Их можно было понять – до отеля мы добрались только глубокой ночью.

Как путешественник со стажем, почти на автомате я проверила, что вода из душа льется, причем вниз, а не в потолок и не на стены. Что горячая вода имеется и даже с нормальным напором. Что сейф и двери открываются-закрываются. Потом кивнула ребенку.

– Это вам, спасибо! – Стася важно протянула коридорному, притащившему наш багаж, монетку на раскрытой ладонке. Ей всегда нравился этот момент. Наверное, она воображала себя принцессой.

Коридорный исчез, и я запоздало вспомнила, что не проверила – а что у нас за окном? Вдруг стройка-помойка – этот вечный кошмар отдыхающих? Снаружи была крошечная ароматная тьма, в которой что-то шевелилось и вздыхало. Что бы там ни было, оно не орало, не сверкало дискотечными всполохами и не растопыривалось строительными

кранами в красных огоньках. Угадывалась буйная растительность, в которой местные кузнечики заглушали стрекот поливалоков. С переливами стонали лягушки.

Решив, что со всем разберусь на свежую голову, я стряхнула с постели нежно-фиолетовые лепестки неизвестных южных цветов и завалилась под одеяло. Ребенок к тому времени уже спал, обнимая скрученного из полотенца лебедя. Отель радовал постояльцев красотой и уютом.

Утро открыло правду: нас поселили на первом этаже.

Ночью, следуя за коридорным почти на автопилоте по бесконечным переходам, поднимаясь и спускаясь по каким-то ступенькам и пандусам, я этого момента не поняла. Мне казалось, что мы находимся в бельэтаже или на втором этаже. И даже номер комнаты, начинающийся с единицы, не заставил встрепенуться мой усталый мозг.

Обычно первый мне не нравится – шаркающие отдыхающие, ноющие под окнами дети, необходимость плотно закрывать шторы – это уже совсем не тот отпуск, о каком мечталось целый год.

Тут оказался совсем другой случай. Прямо из номера через стеклянную дверь вы попадали в маленький персональный дворик с мозаичным полом, плетеной мебелью и большим зонтом от солнца.

За резной оградой, увитой цепким растением в алых цветах, стеной стояли зеленые колючие заросли. Наверное, это

был какой-то декоративный кустарник, аккуратно постриженный, плотный, выше человеческого роста. Справа от ограды поблескивал прудик – пристанище страдающих в ночи лягушек. Невысокие пальмы по углам дворика напоминали закопанные наполовину ананасы. Кусты надежно скрывали нас от соседей и гуляющих по территории постояльцев.

Все как я люблю – тихо и уединенно.

– А эти кругляхи зачем?

Я очнулась от умиротворенного рассматривания пальмовых листьев на фоне бледного знойного неба. Стаська тыкала пальцем в желтые круги на стеклянной двери, расположенные на уровне глаз среднестатистического взрослого человека.

– Стекло прозрачное, можно не заметить, что дверь закрыта. Человек попытается выйти и ударится о стекло, – пояснила я.

– Только дурачок не заметит дверь, – мой шестилетний ребенок был категоричен, как бетонная стена.

Не пускаясь в дискуссии, я собирала вещи на пляж.

Стася попрыгала на одной ножке по плиткам дворика, повисела животом на оградке, повалилась на кровати, сделала круг по номеру и... вошла лбом в закрытую стеклянную половину двери. От ее жуткого рева лягушки в пруду дружно упали в обморок.

Шишку на лбу заклеили пластырем, и дочка походила теперь не на счастливого отдыхающего на юге ребенка, а на

жертву домашнего насилия. Про «дурачка» мы с ней дипломатично не вспоминали.

Отпуск набирал разгон и обещал быть захватывающим.

Где-то на третий день, под вечер, к нам в номер пришла лягушка. Таких монстров земноводного мира я еще не видела: существо габаритами переплюнуло взрослого хомяка.

Не отвлекаясь на пустяки в виде изумленной меня, лягушка перевалилась через небольшой порожек и прошествовала в центр комнаты. Там она прилегла на брюхо, раскинув в стороны лапы, прикрыла выпуклые глаза и блаженно замерла на прохладной кафельной плитке пола. На морде (у лягух же морда, да?) расплылась умиротворенная улыбка. После тяжелого трудового дня в пруду она наконец-то добралась до дома и пока еще не заметила незваных двуногих гостей в своих владениях.

– Ого-о-о-о... – прошептала Стаська, кубарем скатилась с кровати и на четвереньках подобралась к лягушке. – Смотри, мам, какая краси-и-ивая!

И верно, земноводное как на маскарад собралось: зелень всех оттенков переплеталась с радостно-желтым на спинке и пухлых ляжках, а цвет брюшка уходил в пастельные тона. Если бы это не была лягушка, ее действительно можно было бы назвать красивой. Мне не по себе от существ с голой кожей и влажными выделениями на ней. А вдруг лягушки тут ядовитые? Помниться, я что-то такое читала... окунали концы

стрел... паралич верхних дыхательных путей... аритмия... фибрилляция желудочков... вакцины не существует...

– Цветастенькая, – нежно проворковала Стася и потянулась пальцем к изумрудной полоске на спинке. Лягуха вздрогнула, приоткрыла один глаз и замерла: на нее медленно надвигалось что-то неведомое, огромное и страшное.

Дальше одновременно произошло следующее. Я издала странный звук – что-то среднее между карканьем и воплем косатки. Вообще-то это был крик «стой!», однако дыхание сперло, и слов не получилось. Лягуха, как подброшенная, скакнула вверх на полметра из положения «лежа на брюхе» – и не спрашивайте меня, как ей это удалось.

От неожиданности Стася опрокинулась на спину, поддев ногой журнальный столик. Как в замедленной съемке, я наблюдала за полетом к потолку моего нового планшета и вазы с цветами. В моем воображении зрелище было величественным, мощным. На задворках сознания звучал Вагнер. На деле – все это грохнулось об пол с жутким треском, усыпая номер стеклянными осколками и пластиковыми останками дорогушего гаджета.

Последними прилетели цветы.

Само собой разумеется, Стася не обошлась без членовредительства и в этот раз – при падении толкнула локтем кресло, которое опрокинулось со звуком выстрела, поставив оглушительную точку в вечернем шоу «Привет, тунисская лягушка!». После перевязки локтя с ребенка можно было

писать картину «Раненый боец».

Интересно, что причина всех этих бурных событий исчезла бесследно – после тщательной уборки лягушки в номере я так и не нашла. Страшно представить, что она той ночью рассказывала в пруду. Одной валерьянки, наверное, ведро выпила.

С того вечера как прорвало – в номер тянуло всех живых существ, которые пробегали-пролетали мимо наших дверей. Они заглядывали к нам на огонек непринужденно, как в любимый паб.

Гигантские муравьи протоптали колею в душевую через пакет с печеньем.

Ящерицы всех размеров и окрасов не поддавалась исчислению.

Из кроссовки я выудила рогатого жука с антрацитовый спинкой, твердой и полированной, словно письменный стол. С перепугу жук прикинулсядохлым, потом одумался, сорвался с моей ладони и улетел, басовитым гудением напоминая грузовой вертолет.

В наглую желторотую птичку, которая в одно лицо (один клюв?) пыталась упереть сухарь больше себя размером, я просто швырнула тапком. Птичку вынесло наружу вместе с ним и сухарем, и весь вид ее выражал оскорбленное недоумение.

Поэтому на дружелюбный Стаськин шепот: «Приве-е-ет,

ты кто такой?», я только лениво подняла глаза поверх книги, которую читала. Мало ли кого принесло к нам в очередной раз столоваться?

Ребенок сидел на корточках и разговаривал... со скорпионом.

Скорпион, подрагивая скрученным хвостом, осторожно ощупывал клешнями воздух и пытался сориентироваться в пространстве. Видимо, он сам не понимал, как тут оказался. Тунисским ветром внезапно занесло.

Не подозревала, что умею так быстро двигаться. Следующие минуты выпали из моего сознания. Очнулась я, уже стоя, держа под мышки дочку на вытянутых вверх руках. За захлопнутой стеклянной дверью скорпион с трудом разбирался с многочисленными конечностями на мозаичном полу двора. Для него тоже все произошло слишком быстро.

– Как ты его пнула! Ты же могла его сломать! – Стаська неодобрительно поелозила, намекая, что ей неудобно висеть в метре от пола. – У нас осталось печенье, может, покрошим ему?

– Перебьется, – мрачно ответила я, медленно остывая после волны адреналина.

Скорпион стал переломным моментом, подтолкнувшим к мысли, что, пожалуй, хватит с меня местной экзотической живности. К появлению в номере ядовитых змей я не готова морально, а если бы дело пошло и дальше в том же темпе, мы бы с ними непременно познакомились. Однако все решило

следующее утро.

Проснувшись, я распахнула тяжелые шторы, впуская солнце в номер.

Даже ранним утром солнца в Тунисе много. Им хочется обернуться, как теплым полотенцем, с ног до головы. Привезти с собой в Питер, подарить по кусочку любимым...

Я вышла во дворик и потянулась так, что во мне шевельнулись все кости, даже те, что по анатомии шевелиться вроде бы не должны. Это были такие «потягуськи», после которых ощущаешь – жить хорошо! Солнце било в глаза, цветы пахли как-то по-особенному ярко, впереди было еще пол-отпуска и целое море каждый день...

– Good morning, Madam! – раздался несколько ошеломленный мужской голос.

Свое состояние я бы назвала – упало все. Забыв выдохнуть втянутый в грудь воздух, я вскинула руку к глазам, прикрыв их от солнца: под колючими кустами сидел маленький практически черный араб в зеленой под цвет травы курточке садовника отеля с тлячкой в руке. Одну клумбу он уже обработал и как раз приступил к следующей, когда прямо на него вывалилась я.

Фишка в том, что, привыкнув к уединенности нашего маленького дворика, утренним солнцем я наслаждалась в неглиже. То есть изумление араба понять можно – не каждый рабочий день тебе являются фигуристые незнакомые тетки

топлес в одних труселях в мелкий цветочек. Учитывая религиозные убеждения этой страны, полагаю, что и не каждый месяц.

Осознание того, что каждый из нас видит перед собой, пришло одновременно.

Я пискнула традиционное «ой, мамочки!» и замерла столбом.

Араб сделал замысловатый кувырок, попытался проломиться сквозь кусты и скрыться. Не тут-то было. Кусты дрогнули, но устояли. Садовник в панике побился о живую преграду, потом упал животом на землю и по-пластунски скользнул между стеблями.

Мгновение – наш дворик опять пуст, залит солнцем и тих. На взрыхленной клумбе лежала одинокая тяпочка. Я смотрела на нее и решала важный и очень своевременный для каждой женщины в такой ситуации вопрос – это садовник так восхитился или испугался? Внутренний голос предпочитал склоняться к первому.

К обеду мы переселились на третий этаж, но, как и следовало ожидать, наши приключения на этом не закончились.

Елена Румянцева

Тунисские рассказы: Альпинистка моя гуттаперчевая

Если вам нравится думать, что ваш ребенок спит в тихий час, не стоит неожиданно входить в комнату. Я себя надеждами не льстила, но увиденное потрясло и меня: Стаська самозабвенно скакала на кровати. Стоило мне отлучиться на встречу с гидом – и пожалуйте.

Кровать скрипела, матрас прогибался, но пружины не подводили – дочка подлетала почти на полметра. Темные кудряшки скакали по плечам, щеки горели и глаза сияли в полном восторге от происходящего. В прыжке она изображала что-то вроде взбесившегося воробья, молотя по воздуху руками и радостно повизгивая. Дочка только собралась проделать прыжок с переворотом, но тут увидела меня в дверях. Номер сорвался.

Стася с размаху хлопнулась на живот, и кровать подкинула ее по инерции еще пару раз.

– Ну а что? А им можно?! – Про защиту, которая лучше, когда сразу в нападение, мой ребенок знал интуитивно. Стаська обличающе ткнула пальцем в стену.

Действительно, бурный и ритмичный скрип продолжался, но в соседнем номере. Благодаря отличной слышимости – как будто в нашем. Не только дочка не теряла времени в тихий час.

– Вот когда вырастешь... – тут я споткнулась. Фраза выходила странной. Получалось, что взрослым можно все, даже прыгать на кроватях. От перспектив у ребенка заинтересованно распахнулись глаза. – О них пусть думает их мама, а я отвечаю за тебя. Пошли-ка лучше на море. В баре у бассейна детям мороженое раздают.

С парой из соседнего номера мы познакомились тем же вечером.

Стася разговорилась с ними в коридоре, непринужденно поинтересовавшись, скачут ли они на кровати вместе или по очереди. Как специалист в этом деле, посоветовала быть осторожными – все-таки они во-о-он какие большие, мебель можно и сломать.

Больше всех смутился почему-то парень. Звали его Стасом, и они со Стаськой тут же подружились. У них было много общего и кроме имени. Спустя час оба уже сидели голова к голове в соседском номере, вопили, пихали друг друга локтями и в четыре руки играли на ноутбуке.

Девушку – полную миловидную блондинку – звали Оленькой и, через полбутылки мартини, мы выяснили, что она, как и я, бухгалтер.

Не знаю, почему и как так получается, но опыт показывает: бухгалтеры притягиваются друг к другу во времени и пространстве. И верно, где еще обсуждать тягостные изменения в российском законодательстве, как не за тысячи километров от дома, на отдыхе, ближе к концу бутылки мартины? Неважно, когда случается отпуск, инициативы налоговых органов обеспечивают бухгалтеров захватывающими темами для бесед круглый год.

Мы с Оленькой как раз перешли к Бейлису, когда мне стало не хватать аргументов в споре. Время уже позднее, усталость подкралась незаметно. Ноги буквально заплетались, когда я решительно направилась в свой номер за журналом, чтобы продемонстрировать оппоненту нужную статью.

Перед дверью пришлось притормозить: ощупывание карманов показало, что карточка-ключ, вероятнее всего, осталась в запертом номере. Стася так рвалась в гости к соседям, что я в спешке захлопнула нашу дверь.

Сейчас мне не найти внятного объяснения, почему я не пошла на ресепшен и не взяла второй ключ. Это действие представлялось невероятно сложным – пришлось бы спуститься с третьего этажа, объясниться с консьержем, а слов, кроме русских, почему-то никак не находилось. Как будет «ключ» на английском?

Тут нам с Оленькой пришла в голову замечательная идея – можно же перелезть с одного балкона на другой. В нашем номере как раз дверь открыта.

Все здравомыслящие в лице Стаса и Стаськи уже спали, обнимая друг друга и ноутбук. Они сопели хором, и даже в выражении лиц у них было что-то одинаково-щенячье. Остановить нас было некому.

Задуманное казалось невероятно легким в теории.

Балконы шли сплошной линией по этажу и отделялись друг от друга пластиковыми перегородками.

Горячо поддерживаемая Оленькой морально и физически, я взгромоздилась на ограждение балкона. Сидячий образ жизни и булочки на завтрак не располагают к легкости движений. Металлическая круглая планка перил оказались неожиданно скользкой и норовила вывернуться из-под ноги. Пришлось схватиться за ребро перегородки. На некоторое время это помогло.

Стоя лицом к стене отеля, я сделала пару шажочков в сторону своего балкона. Перекинула ногу за перегородку, и тут меня качнуло. Наверное, ветерок подул.

Я обняла пластиковую перегородку как родную обеими руками и замерла. Практически срослась с нею. Пляжный сарафанчик раздувался на мне подобно парусу. Перенести вес тела и оторвать вторую ногу от перил я не решалась. Перегородка была абсолютно гладкой, и, потеряй я равновесие, растопыренные по пластику пальцы никак не смогли бы меня удержать. Я страстно мечтала, чтобы на их кончиках прямо сейчас отросли присоски, но – увы. Оставалось одно – не дышать. Я не дышала.

Оленька всхлипывала на своем балконе и умоляла меня держаться.

Тем временем внизу собирались любопытные. Из-за позднего часа – не много, только те, кто засиделся в барах и теперь брел в отель. Такое вечернее шоу они пропустить не могли, и им было на что посмотреть.

Большинство обсуждало увиденное. Единицы давали дельные советы, которые дельными никак не являлись. Двое мужчин затеяли пари на то, сколько я еще продержусь в такой шаткой позе. Оптимисты ставили на пятнадцать минут. Стартовали от пятидесяти долларов, и спор целиком захватил окружающих. На трех сотнях мне поступило предложение отцепиться наконец от дурацкого балкона. Обещали поймать, но не сообщали – каким образом. Мне почему-то не верилось.

Я не буду врать и говорить, что вся жизнь в это время проносилась у меня перед глазами. Это был бы не самый плохой вариант, который отвлек бы от затекающих рук и ног. А они уже всю дрожали от усталости. На самом деле я практически рыдала от полной беспомощности. Не могла дернуться ни вправо, ни влево. Впереди в меня упиралось ребро перегородки, сзади холодила трехэтажная пропасть. И главное – отпуск-то был еще не отгулян! Еще четыре дня оставалась! Ну как так-то?..

Что-то шевельнулось в темноте сбоку. Я только начала

разворачивать зареванное лицо в ту сторону, как меня схватили за руку железными горячими тисками и сильно дернули. Ноги соскользнули с перил, свободная рука судорожно цеплялась за воздух... Но я не падала. Сцена из фильма «Скалолаз» снималась именно про такой момент.

– Вторую руку давай, ну! – такого свирепого лица у добродушного, похожего на сенбернара Стаса я даже представить себе не могла. – Потом меня рассмотришь! Руку, говорю, дай, идиотка!

Он меня вытянул. Хрипя и матерясь, перетащил через перила, и мы рухнули на мой балкон. Некоторое время приходили в себя, и я наслаждалась надежностью и устойчивостью напольной кафельной плитки. Запястья болели ужасно, и каким-то образом я содрала колено.

– А как ты... – начала я.

– Стася проснулась вовремя и меня разбудила. Ключ нашла у себя в кармане, – Стас, кряхтя, поднялся. – Повезло, что успел. Но, честное слово, я б тебя сам убил.

Мрачный и решительный, он ушел широкими шагами.

Посредине номера стояла Стаська, и поджатые губы намекали на то, что мало мне не покажется.

– Доча, – осторожно проговорила я. – Давай не будем рассказывать об этом бабушке. Зачем ее волновать, верно?

Ребенок смотрел с выражением «и эти люди не разрешают мне прыгать на кровати». Молчание затягивалось.

– Надувной розовый круг с фламинго. Синие бусики. И

ты разрешишь мне прыгать на батуте каждый день, – отчеканила наконец дочь.

Я подавлено молчала.

За оставшиеся отпускные дни предстояло как-то нейтрализовать мелкого шантажиста, а у меня на этот счет не было абсолютно никаких идей.

В Питере мы садились в плотную облачность, как в молоко. На объявление капитана «погода в Санкт-Петербурге прекрасная, плюс восемнадцать градусов, дождь», по салону пронесся тяжкий стон пассажиров.

– Снега же нет, – жизнерадостно приободрила соседей Стаська и натянула на плечи лямки плюшевого рюкзачка. К встрече с родиной ребенок был полностью готов.

Бабушка ждала нас дома с пирогом и котлетами.

Захлебываясь впечатлениями, Стася рассказывала ей о лохматом верблюде, прозрачной медузе с синей бахромой по краям и «дядьке, который рано утром тоненько кричит на крыше и мешает спать». На минуту остановилась, чтобы перевести дух, и тут ее озарило.

– Бабу-у-уль! – шоколадные глазищи округлились и сверкнули. – Я сейчас тебе такое...

Мое сердце пропустило удар.

Деловито топая, дочка притащила свой рюкзак, уселась на пол и торжественно извлекла картонную коробку из-под печеня.

– Ну как ты там? В самолете не тошнило? Ты же моя умица, – заботливо бормотала она, осторожно извлекая содержимое. Мы с мамой приоткрыли рты и вытянули шеи. – Это Гришка. Он из Туниса. Познакомься.

Огромный таракан смотрел на нас, важно поводя усами. Не знаю, было ли ему плохо в самолете, сейчас он чувствовал себя прекрасно. Размером почти с ладонь, цвета жженого сахара с рыжеватым отливом на боках и ногами – длинными, как у орловского рысака. Весь вид его выражал высокомерное недовольство.

Бабушка охнула. Совсем недавно она успешно отразила нашествие соседских тараканов, и волнение тех боев еще не успело забыться. Местные насекомые не шли ни в какое сравнение с незаконным мигрантом, обозревающим свои будущие владения с высоты коробки из-под печенья. Воображение бабушки уже всюду рисовало полчища Гришкиных наследников, захватывающих ее квартиру, дом, город, да и всю страну, чего уж там.

Таракан замер и прислушался. Видимо, внутренний голос подсказывал, что ему здесь не рады.

Они рванули одновременно – бабушка с тапком к Гришке, и Гришка прочь от бабушки, не разбирая дороги. Таракан оказался быстрее. Захочешь жить – и чемпиона по бегу обойдешь. У бабушки все-таки сказывался возраст.

Сметая все на своем пути, они ураганом пронеслись по кухне и исчезли в коридоре. Из комнаты донеслись хлопаю-

щие удары и бабушкины азартные охотничьи кличи. Гришка предусмотрительно помалкивал.

Мы с дочкой ошеломленно посмотрели друг на друга.

Без слов понятно, что Стаськина карта бита. Перед появлением тунисского таракана в питерской квартире меркло решительно все.

Я улыбнулась и вздохнула с облегчением – наш отпуск благополучно завершился и стал незабываемой историей, которую так весело рассказывать друзьям.

Алексей Ладо

Привет из Нячанга: А подайте нам что-нибудь экзотическое!

На мой взгляд, кухня – это то, что отличает один народ от другого. Конечно, другие различия в культурах никто не отменял, но кухня!.. Удивительные блюда, напитки, сервировка дают не меньше впечатлений и эмоций, чем любованные памятниками архитектуры, пейзажами и наблюдение за людьми.

Где бы я ни бывал, везде стараюсь попробовать что-нибудь экзотическое.

Опасно? О, да! Бывало, что значительную часть путешествия я проводил в месте, предназначенном лишь для краткосрочного отдыха. Случалось, вытаскивал из чемодана таблетки от расстройства желудка или аллергии, клялся – ни-ни! – но каждый раз, когда приезжал в очередную страну и видел в меню нечто необыкновенное, в моей голове звучало веселое оправдание безрассудству: если не сейчас, ты не попробуешь этого никогда!

Нячанг не стал исключением.

Прилетели мы ночью, а потому к утру готовы были со-

жрать что угодно.

У лифта на стене висела табличка на трех языках – английском, китайском и еще каком-то, в котором с трудом угадывался русский. Она грозно предупреждала о недопустимости вкушения экзотического фрукта дуриана в номере отеля. Штраф – миллион донгов. Донги – это такие вьетнамские пластиковые деньги, с ними можно даже в море купаться. Ну, если в плавках есть карманы. Мы пожали плечами – на наши рубли штраф приличный, но приемлемый, – и спустились с восемнадцатого этажа на второй, в столовую.

Завтрак в отеле – европейско-нейтрально-никакой – не был рассчитан на убажение вкусовых сосочков.

Заморив червячка, мы покинули международную столовую и твердым шагом отправились на улицу, решительно намереваясь и поесть, и нарушить запрет о дуриане. Для русских любой запрет, что красная тряпка для быка.

Ничто ни во мне, ни в моем напарнике по путешествиям не выдавало гурманов. Гурманство, как я себе представляю, – это симпатичная пухлость тела, выпяченные в предвкушении губы, жадный блеск в глазах при общей неторопливости движений к еде. А тут на набережную вывалились два поджарых, словно борзые, высоких черноволосых парня, похожих как две капли. Не удивительно, если учесть, что мы братья-погодки. Плечи развернуты, животы втянуты, ноги в шлепках в меру волосаты и длинны. Разве что блеск в глазах имеется, да и то не жадный, а голодный.

Причины нашего поедания экзотики имеют глубокие социальные корни. Настолько глубокие, что назову лишь по одной.

Надо сказать, что все мои романы, как правило, начинались с желания женщины вволю меня накормить. Я же, знавший аж два блюда из яиц и два из картошки, мнил себя знатоком кулинарии, потому воротил нос от сытной, но обычной еды, и лишь «новинки» разжигали во мне любовное пламя. Помню одну девушку с чудесным бюстом и тягой к корейским деликатесам... Впрочем, речь не об этом.

У брата все проще, приземленнее. Жена готовит так себе, потому любая пища вне дома кажется ему экзотической.

Боже, какие запахи обрушились на нас из тысячи ресторанов, кафешек, забегаловок, киосков и просто лотков уличных торговцев, когда мы двумя «пищевыми девственниками» вышли под горячее солнце Нячанга!

Источали аромат йода живые креветки, лангусты, диковинные рыбины в тесных аквариумах. Благоухали медом и цветами фруктовые ряды. Плыл острый, возбуждающий запах мяса во всем своем жарено-пареном разнообразии.

Все пять чувств по-охотничьи поджали лапки.

Уши прислушивались, как хрустит, вращаясь на огне, печеная кукуруза, скворчат в масле блинчики и какие-то местные «чебуреки».

Пальцы поглаживали мимоходом плотные бочки манго и

шершаво-клетчатые – «сахарного яблока».

Глаза выхватывали то странные голубые соки, то длинные, словно гигантские огурцы, арбузы, то...

– Дурианы! – заорал я.

Прямо на асфальте, на тряпочке, по-купечески развалились запретные упитанные шипастые дурианы.

– Потом купим, – брат хладнокровно оттащил меня от прилавка, – не торопись. Вот те яйца, мельче перепелиных, не внушают доверия. А креветка в кляре вместе с хитином? Кошмар. Пойдем масштаб и приценимся.

Зазывала у морского кафе приветливо замахал руками.

Меню вьетнамцы пишут везде: на стенах, на деревянных «раскладушках». Специальные, с красочными фотографиями меню-книжки лежат на столиках перед входами, рядом с мангалами, где томятся на вертелах крокодилы, от которых официанты то и дело отрезают порции для туристов. Эта кафешка облюбовала для меню окна.

Мы вчитались.

Нет, нас не смутили «жареные улитки Хыонг с лимонным соргом и перцем¹», оставили равнодушными «морские черенки Зыонг» и «волосатые мидии». «Падагрический лямбис» – вот что заставило нас ретироваться и искать другое место для гурманства. Согласитесь, свойства вышеупомянутого лямбиса, чем бы он ни являлся, намекали на вечность.

Перекусив чем попало, накупавшись вдоволь в море, по-

---

¹ Орфография, грамматика сохранены

плутов по узким улочкам и оголодавши до состояния нестояния, мы приземлились в симпатичном ресторане с совершенно вьетнамским названием «Армения».

В нем были залы и под крышей, и под небом. Разделял их красиво оформленный диванами то ли природный, то ли искусственный ручей.

Рассудив, что мы не римские патриции, чтобы вкушать пищу лежа на диване, мы заняли деревянный стол в открытом зале. Здесь была эстрадная площадка, на сцене голосил русский мужик, исполнял давно забытые в родной стране «хиты». На пяточке вяло танцевали плотно отужинавшие туристы. При этом зал казался почти пустым, настолько огромным он был.

Симпатичная вьетнамка включила нам вентилятор – они тут у каждого столика, принесла меню.

Чернильная ночь клубилась над нами легкими облачками, вентилятор обдувал ветерком, разгонял жару.

– Пора, – сказал я, строго глядя на брата. Он торжественно кивнул.

Мы заказали четыре бутылки «Сайгона» – неплохого вьетнамского пива – и углубились в меню.

Брат разрывался между страусиной отбивной и тушеным крокодиллом, наконец заказал устрицы под сливочным соусом и лягушачьи бедрашки в кляре.

Я же с удивлением обнаружил в меню борщ со сметаной и пельмени. Ну а что? Сии блюда во Вьетнаме – чем не эк-

зотика?

Принесли борщ и устрицы. Мы переглянулись.

Дело в том, что тарелки иначе как тазиками не назовешь.

В моем тазике с борщом одиноко белела капля сметаны.

Вьетнамцы едят все: от жареных кузнечиков до зародышей утки, – но не употребляют сметану, не понимают, что это такое, а вот русские требуют, значит, надо.

На плохом англо-русско-вьетнамском языке я объяснил официантке вопиющее несоответствие рецепту и попросил добавить хотя бы еще ложку.

– И бутылку минералки! Холодной! – добавил брат. Он почти прикончил вкусных устриц, снисходительно поделившись со мной одной – самой маленькой.

Вьетнамочка счастливо кивала.

Позже я узнал, что тут не торопятся изучать языки и буквально читают по губам, угадывая желания заказчика.

Она притащила большой поднос с лягушкой, вернее, с бедрами, которые, прямо скажем, стройностью не отличались, горшок с пельменями, плоску со сметаной.

– Минералку забыла, – посетовал брат.

Я закинул сметану в борщ, надо сказать, приличный.

Брат осторожно откусил кусок лягушачьего бедра, прожевал:

– Как курица. Очень старая, но активная курица, без жиринки, – он почему-то посмотрел на мои пельмени и облизнулся.

– Не факт, что они из привычного мяса, – вяло попробовал возразить я. Вяло, потому что сквозь борщ в тазике просвечивало доньшко, и пельменей я уже не хотел, разве что пяток.

Снова подошла пожизненно-радостная официантка. Оказывается, она ничего не забыла: водрузила на стол кувшин со сметаной – пол литра, не меньше – поближе ко мне. Ага, значит, первая маленькая плошка с оным продуктом предназначалась для пельменей. Поставила перед братом большую металлическую миску с колотым льдом. Горку ледяных катышков украшали щипцы.

– Это что, минералка? – брови брата уехали к макушке. – Я просил воды.

Вьетнамочка весело залопотала. Я выловил из ее речи знакомые слова: «кен» и «нуотц», – что перевел как «мороженная вода». Мол, любые капризы за ваши деньги.

– Все верно, ты заказывал холодную, ты ее и получил...

Пришлось довольствоваться пивом.

Мы покинули ресторан «Армения» с боксом, в который нам упаковали лягушек, мило обсыпанных заново зеленью и ломтиками огурцов...

Обильный ужин потребовал долгой прогулки по ночному Нячангу. На улицах еще всюю торговали вкусностями и, соблазнившись, мы купили запеченного прямо в панцире лобстера.

Я никогда не был против ночного перекуса, поскольку он

не прибавлял ни капли жира нашим поджарым телам.

Возле отеля витал странный запах, будоража носы композицией хлорки, лекарств, тухлятины, гнили с примесью свежих анисовых нот. Ощущение, что тут был сход больных чем-то вьетнамцев, которые одновременно пукнули.

Причина запаха обнаружилась сразу. На открытой веранде сидели девушки и ели дуриан.

– Мы же дуриан хотели купить! – вспомнил я.

– Завтра, – брат зажал нос и быстренько скрылся за стеклянными дверями отеля.

Утром солнце решило основательно поджарить туристов. Жара стояла такая, что все мысли о еде вызывали тошноту. Мы даже завтракать не стали, решив, что к обеду вполне созреем до лежащей в холодильнике лягушки. Хотелось пить, и только пить.

Помня представление вьетнамцев о «холодной минералке», мы решили попробовать местные соки, вышли на набережную и остановились у незнакомого агрегата.

С одной стороны машина обстругивала палки, перемалывала стебель-сердцевину, с другой из краника в подставленный стакан выливалась желтая пенная жидкость – сок сахарного тростника.

Процесс завораживал.

Продавщица кинула в стаканы лед, воткнула соломинки, с улыбкой протянула нам.

Кисло-сладкий сок утолил жажду лишь отчасти. Мы пошли к морю в надежде полакомиться кокосом.

Кокосовые орехи разного размера и спелости в изобилии росли на пальмах. Я представил, как проворной обезьянкой карабкаюсь на дерево и... помотал головой, прогоняя видения. Слишком уж фантастической показалась большая белая безволосая «обезьяна» на хрупком стволике пальмы. Да и торговали кокосами на каждом метре побережья.

Сиеста. Вьетнамцы отдыхают, свернувшись калачиками там, где застала жара.

Мы прошли мимо дрыхнувшего возле горы орехов мужика-торговца, мимо сонно клюющей носом девушки – чего беспокоить? Пусть спят люди. Наконец нашли активную еще бабушку.

Пожилая мадам в шлепках на босу ногу, в черных лосинах, клетчатой теплой рубаше с длинными рукавами прикрывала поясницу пластиковой сумкой – там, наверное, были деньги, а голову – полосатой шляпой с широкими полями. На лице черные очки и маска.

Мадам обрадовалась, кто б сомневался, появлению покупателей, вытащила из холодильника огромный, с голову, кокос.

Дальше слабонервным и беременным лучше не читать.

Бабушка взяла нож с тупой рукояткой и длинным толстым шипастым лезвием. Такой ножик прямо просился под статью «запрещенное холодное оружие». Первым в списке. Тремя

точными ударами, heckая, она нанесла ореху раны, несовместимые с жизнью. При этом пальцы ее невозмутимо придерживали кокос в миллиметрах от страшного лезвия.

Я облился потом вовсе не от жары. Кажется, пальцев у бабушки уже четыре, а сейчас будет три! Я зажмурился.

Обошлось. Рукояткой она поддела вырезанную треугольную часть, сунула трубочки с зонтиками и, слегка склонившись, протянула тяжелый кокос нам.

Мы, впечатленные опасным действием, поклонились гораздо ниже, сели на лавочку, молча высосали прохладный освежающий напиток, почти не чувствуя вкуса.

– Нет уж, ну их к черту, эти кокосы, – протянул брат.

Я кивнул: кому ж хочется нести ответственность за отрубленные пальцы?

К обеду мы все-таки проголодались, вернулись в отель и достали бокс с лягушкой. Бедрышки под кляром приобрели сероватый оттенок.

– Мы все делаем неправильно! – заявил брат.

– Почему? – я с облегчением отложил вилку.

– Искать настоящую вьетнамскую еду на набережной, где полным-полно туристов, глупо!

– И что ты предлагаешь?

– Я предлагаю отправиться туда, где не ступала нога белого человека.

– А земноводное?

– Лягушка подождет до вечера, – уверенность в голосе брата задушила мои сомнения на корню.

Часа три мы бродили по городу, пока не нашли район, где туристов не водилось.

На нас откровенно пялились, шушукались за спинами, а кое-кто даже щелкал мобилками, снимая двух белых высо- ченных красавцев. Ну, надеюсь, что фоткали именно по этой причине. Скромный я, да.

Наконец мы остановились у кафе, словно выдолбленном в каменном доме. Внутри прямоугольная комната со столи- ками. Сторона, выходящая на улицу, отсутствует. У входа жаряще-варящий прилавок и узкий мангал, где на решетке поджаривались аппетитные кусочки.

– Утка! – я помахал ладонью, словно флажком.

– Думаешь, по-пекински?

– Да хоть бы и по-нячанговски, попробовать стоит! – ска- зал я.

Немногочисленные посетители возбужденно переглядыва- лись, как если бы мы смотрели исподтишка на двух вели- канов-орков, заскочивших перекусить в кафешку северного российского городка.

Да, здесь кормили уткой в трех видах: гриль, вареная и вареная с супом. Мы хотели утку-гриль и поведали об этом хозяйке – пожилой, как и истязательница кокоса, женщине, естественно, улыбающейся.

Напрасно. Хозяйка нас не понимала, а по губам читать не

умела.

Я тыкал в мангал, говоря «ту ко-ко-ко», она недоуменно протягивала кусок хлеба. Я показывал на суп, она застенчиво хихикала и водила рукой по банкам с соусами. Рядом с нею стояла малышка, разглядывала нас, распахнув во всю возможную ширь узкие от природы глазенки.

– Отойди, – проворчал брат, – смотри на работу мастера и учись.

Он присел, согнув ноги в коленях, расставил руки, захлопал ими, словно крыльями, и закудаhtал.

Наступила тишина, что само по себе для шумного Нячанга невообразимо. В распахнутый рот хозяйки чуть не залетела муха.

Брат распрямился:

– Вот этого – две порции, – он растопырил два пальца.

Она уяснила! Брат торжественно поглядел на меня.

– Кудах-кудах? – повторила хозяйка и нерешительно указала на противоположную сторону улицы, где действительно продавали кур.

– Нет же! – чертыхнулся брат. – Какие тупые! Ну что тут непонятного? Я в обморок упаду от голода, пока получу эту грешную утку!

На наше счастье мимо шли две девчонки лет четырнадцати: длинные черные волосы с бантиками, синяя форма, белые гольфы, ранцы. Не близняшки, но одинаковые, как котятка одного помета. Девчонки знали английский. Ну, как зна-

ли? Во всяком случае, мы пришли к общему мнению, что duck – это утка.

Нам ее и принесли – одну на двоих. Слону дробина. Заказать вторую мы не решились. Эту-то съели с трудом, поскольку за каждым нашим движением следило множество пар глаз, сопровождая манипуляции без вилок – их тут попросту не было, только палочки – ехидными, так мне казалось, комментариями.

Девчонки тоже остались, взяли себе суп, сели рядом и, делая вид, что не обращают на нас никакого внимания, весело защебетали.

Малышка смущала. Сунув палец в рот, она смотрела в упор. Я пожалел, что не захватил шоколадку «Аленка», для таких вот ситуаций и предназначенную. Порылся в карманах и дал малышке сверкающую десятирублевую монету. Дети во Вьетнаме скромные – она не взяла, поглядела на маму. Та снисходительно кивнула. Девчушка покраснела, схватила монетку и убежала, слава богу.

Вкусная была утка, хоть и костлявая: ароматная, сочная, пряная, – так и таяла на языке. Жалко, мало!

Наверное, долго еще вьетнамцы вспоминали двух русских парней, с чего-то изображающих – посреди белого дня! – то ли кур, то ли петухов.

Возле отеля разделявали дуриан.

Покупательница – симпатичная вьетнамочка – держа-

ла наготове раскрытый целлофановый пакет. Внутренняя группа туристов глазела, затаив дыхание. В прямом и переносном смысле.

Продавщица вскрыла колючую «голову», разделила на половины. В каждой влажно сверкали сливочные доли «мозга».

– На вкус он как заварной ванильный крем, – сказал знаток из туристов.

Я сглотнул и нащупал в кармане донги.

– Крем, да, похоже, – подтвердила женщина с купальным полотенцем через плечо, – только плотнее, как мягкий сыр с трюфелями.

Я достал деньги.

Продавщица подхватила щипцами лоснящиеся куски. Покупательница высокомерно посмотрела на иностранцев, завязала пакет и удалилась. К прилавку никто не поспешил.

– От него отек Квинке запросто можно схлопотать, – скривился еще один турист-знаток.

Я спрятал донги и поглядел на брата.

– Дуриан, конечно, хорошо, – сказал он, – но не много ли для ночного перекуса? Еще успеем попробовать. Нас ждет лягушка!..

Она нас не ждала. Она тихо скончалась в холодильнике и уже благоухала почти как дуриан.

Дорога домой всегда почему-то кажется короче по времени, чем дорога от дома.

Страшно довольные собой, мы везли на север корзину, наполненную рамбутанами, мангустинами, лонганом – драконьим глазом и питайей – драконьим сердцем. В багажнике самолета в наших чемоданах прохлаждались ананасы и манго – зеленые, желтые, красные.

Чего только не попробовали мы во Вьетнаме: и бульон с черепахой, и мясо страуса, приправленное листьями лотоса, и знаменитый суп Фо – по мне, обычный суп с говядиной, лапшой, мятной травой и лаймом. Конечно, крокодила. Без счета омаров, крабов, креветок и устриц. Гребешков, приготовленных прямо в ракушках...

Не скажу, что у нас в России нельзя купить что-то подобное, но вот так – свежее, по местным рецептам и очень дешево – невозможно.

Брат ткнул вилкой бледный, почти прозрачный кусочек самолетной курицы, вздохнул:

– А дуриан мы так и не попробовали. Это все ты виноват!
Курица невежливо спланировала мне на джинсы.

Алексей Ладо

Привет из Нячанга: Дольче вита, или свободу страусам!

В развлекательном парке Дольче вита, что под Нячангом, стоит побывать, особенно если вы отдыхаете с детьми.

Мы с братом поперлись туда покататься на квадроциклах. Однако впечатлили нас не они.

Начинался парк с мини-зоосада, где можно кормить с руки попугайчиков, гладить олешек, любоваться равнодушными ко всему ящерицами и змеями, фоткать разноцветных птиц.

В паре метров от маленькой пустой клетки прикрепили шест с дощечкой: «Осторожно, зверь опасен».

Где же он? Ни лев, ни медведь, даже большая собака в клетку не поместятся.

Мы подошли ближе и разглядели в уголке миниатюрную серую обезьянку с пушистыми круглыми ушками и симпатичной мордочкой, по которой расплывалось прямо-таки вселенское дружелюбие.

Я рассмеялся.

– И чем же ты опасен, зверь? – сказал брат, откусил мо-

роженого и ткнул рожком в сетку.

Взвившись из угла ракетой, обезьяна подлетела к нам, просунула худую лапку в ячейку, схватила рожок с такой силой, что смяла в кашу, потянула и прищемила проволокой пальцы брата. Он взвизгнул и принудительно отдал лакомство.

– Ах ты!.. – брат ругался и дул на палец.

Обезьянка мило улыбалась, доедая мороженое...

Недалеко в домике обитало животное с – напротив – самым печальным выражением лица на свете. «Все суета сует. Жизнь – боль», казалось, говорил взгляд. Две черные полосы между раскосыми глазами, обведенными белым мехом, усиливали впечатление. Вытянутый нос с черной пипкой уныло свисал.

Это был знаменитый мусанг. Маленькое существо из семейства виверровых. Он сидел на дереве, по-кошачьи поджав лапки, озирался, наострив темные треугольные уши. Известен мусанг тем, что из его экскрементов добывают дорогой кофе «Копи Лувак». Ну, понятно, я на его месте тоже не радовался бы такой славе. Хотя... кто знает?

Мы оставили мусанга размышлять о бренности бытия и ушли в прохладу банановых деревьев, пальм и прочих тропических растений. Страшно парило. В паре-тройке метров воздух сгущался в синюю туманную дымку. Казалось, ее можно порезать на ломтики. Рубашки, шорты, даже соломенные шляпы отяжелели от влажности.

Вскоре заросли сменил высоченный сквозной забор, затянутый сеткой из прочной проволоки. За ним огромное, почти футбольное поле, посыпанное песком. Далеко-далеко, на противоположном конце, виднелись домики, покрытые пожелтевшим тростником. Там что-то происходило, но что – из-за дымки не разглядеть. Еще мешало странное сооружение посредине вольера, оно напомнило мне охотничий лабаз в тайге. Маленькую избушку-сруб водружают на деревянные гладкие стволы – на вид хлипкие, неустойчивые, а на деле – крепкие, надежные. Считается, что по ним медведь не залезет и не испоганит запасы. В вольере стоял похожий домик, но медведей я не видел.

Кто же живет в вольере?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.